

Комитет по делам молодёжи Республики Ингушетия

КАВКАЗСКИЕ ИГРЫ: вместе из прошлого в будущее

Материалы научно-практической конференции

Составитель и ответственный редактор –
З.М.-Т.Дзарахова

Назрань
2011

К проблеме кавказского происхождения мифа о Прометее

В ряде областей древней Греции существовал культ Прометейя. В Афинах он почитался наравне с Гефестом и Афиной. В предместье Афин, Керамике, существовал алтарь Прометейя с вечным огнем. Существовало празднество в честь Прометейя – прометейи (бег с горящими факелами). Вообще, греки сохраняли верование в чистоту и божественность огня; поднимающееся вверх пламя было символом стремления к небу.

Что же касается прометейев – бега с огнем, – то русский антиковед В.Латышев пишет: «В исторические времена главными видами гимнастических состязаний были: бег, прыжки, метание диска и копья, борьба и кулачный бой... Простейшим и древнейшим состязанием был обыкновенный бег, при котором нужно было пробежать вперегонку определенное пространство.

Наконец, сюда же можно отнести бег с факелами, совершавшийся во многих городах в праздники, посвященные богам света или огня (например, в Афинах в праздники Афины, Гефеста, Прометейя). Участники бега, держа в руке зажженные восковые факелы (которые легче могли гаснуть, чем смоляные), должны были или добежать до цели, не погасив факелы, или, пробежав известное пространство, передать горящий факел другим свежим атлетам¹.

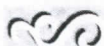
Или о том же, в другой книге, у того же автора:

«Мы имеем сведения только о гимнасиархии для устройства ночного бега с факелами, совершавшегося в праздники таких божеств, культ которых имел какое-нибудь отношение к огню, именно в праздники Прометея, Гефеста и Афины... Участвующие в состязании по данному сигналу (которым служило опущение факела с башни в предместье Керамике) быстро бежали с факелами в руках, заботясь о том, чтобы не погасить факела, который был восковой, а не смоляной, так что мог очень легко погаснуть. Со времен Сократа устраивались и конные ристания с факелами².

Древнейшими и самыми важными были игры, устроенные впервые в 776 г. до н.э. в честь Зевса Олимпийского и с тех пор повторявшиеся каждые четыре года. Павсаний писал, что они были и раньше, но принято исчислять Олимпийские игры именно с этого года. Эти спортивные состязания проводились в местечке Альтис в Олимпии в тихой долине у горы Кронос и двух рек – Алфея и его притока Кладея – и повторялись каждое четырехлетие вплоть до 426 года новой эры. (Ср.: греч. Альтис и топоним Аьлти-юрт на территории Ингушетии (в русской транскрипции – Альтиево)).

Тысячу двести лет Альтис был средоточием всего прекрасного, что содержал в себе античный мир. Здесь читал свои книги «отец истории» Геродот, сюда пешком приходил философ Сократ, здесь бывал Платон. Произносил свои речи великий оратор Демосфен, здесь была мастерская знаменитого скульптора Фидия, изваявшего статую Зевса Олимпийского.

«Много чудесного можно увидеть в Элладе, о многом удивительном здесь можно услышать, но не над чем в большей мере нет божьего покровительства, как над элевсинскими таинствами и над олимпийскими состязаниями», – писал древнегреческий автор Павсаний, и этому верил каждый грек: Олимпийские игры для него были окружены ореолом благоволения богов.

Олимпийские игры стали нравственным центром Древней Греции, они объединили всех греков как этнически целое, они примиряли враждующие племена. Во время игр дороги становились безопасными для путников, устанавливалось перемирие у воюющих сторон. По всему тогдашнему миру, известному грекам, ходили специальные вестники (теоры – «священные посланники») с вестью о предстоящих играх, их принимали у себя «проксены» – местные представители Олимпийских игр, лица, пользовавшиеся почетом. Толпы паломников устремлялись тогда к Олимпии. Шли из Сирии и Египта, с италийских земель, с юга Галлии, из Тавриды и Колхиды.

К играм допускались только безупречные в нравственном отношении лица, никогда не судимые, не уличенные в каких-либо недостойных поступках³.

Образ Прометея является частью символа Кавказских игр. И это неслучайно.

«Это было в те незапамятные времена, – рассказывают старики-ингуши, – когда землю населяли нарты, сотворенные всесильным Ткъа⁴ (имя верховного бога), после того, как он сотворил лучшее украшение Вселенной – снежного великана Башлам-Корт (Казбек). Нарты были могущественные и сильные люди-великаны, которых Ткъа поселил у подножья горы в тесной долине... Жилось им все-таки плохо. Животных на земле не было»⁵, и:

«...Бесплодна и пуста,
земля лежала, в сумраке седея,
все шла и шла песчаною грядой,
во все концы раскинута без края.

...Земля, земля... Жарой обожжена,
она лежала в тягостном молчанье.
И только ветры зыбкой пеленой
Золу и прах над нею возносили.

Суровый бог, создавший этот мир,
Забыл свое случайное творенье.
И потому бродили племена,
в слепых песках следы свои теряя...»⁶

Сюжет ингушского предания «Семь сыновей выюги», фрагмент текста которого приводится в начале повествования, записан В. Светловым в 1895 году. Он вкратце таков: «Люди бедствуют, у них нет достатка в пище и не из чего строить жилье. Нарты лишены надежды на лучшую долю. И они начали роптать. Один из молодых и отважных нартов Курюко (Куркъя) вздумал осчастливить людей – из владений великого Ткъя с вершины Башлам добыть для них овец и тростник».

Упоминание в предании тростника как строительного материала создает некоторое затруднение для современника. Действительно, в ингушском языке есть слово «эрдз», основное значение которого – тростник (тростник обыкновенный – *Phragmites communis* Trin. или *Phragmites australis* (cav.)), который произрастает на территории Ингушетии). И, действительно, на Кавказе, в его равнинной части, тростник применялся как основной строительный материал.

Имеются сведения и другого характера. В недавнем прошлом ингушей, когда посуда изготовлялась в основном из древесины липы, к основному названию каждого предмета присовокуплялось определение «эрдз» («эрз») в значении «древесная, деревянная». Например: *эрдз Iag*, *эрдз кад*, *эрдз оаркхув*. Отсюда можно сделать вывод, что в далеком прошлом в ингушском языке словом «эрдз» обозначалась какая-либо древесная порода, которая, возможно, довольно легко поддавалась обработке. Допустимо также, что в языке сохранился отголосок о другом виде тростника, более крупном, из которого возможно было изготовление посуды.

И он сумел осуществить задуманное. Герой добыл для людей овец, воду и тростник для строительства жилья. В этом

ему оказывают помощь семеро сыновей Ткъя и их мать Химихнана (букв. «воды, ветра (вьюги) мать), или Дардза-Нана (Мать Вьюги), она же еще и Фурки.

Никто из них не избежал наказания жестокого и беспощадного Ткъя. Дерзкий нарт Курюко, похитивший добро, железными цепями прикован к скале Башлам на вечные времена и ежедневно к нему прилетает горный орел и терзает своим клювом его великодушное, храброе сердце. Своих семерых сыновей Ткъя наказал тем, что они на веки веков прикованы к темному небу и они неразлучно, в виде звезд, все семеро блистают на небе. И люди их называют Дардза-Къонгаш (семь звезд из созвездия Большой Медведицы, так называемый ковш Большой Медведицы).

Мих-нана, Матерь Вьюги, наказана потерей сыновей и тем, что навечно вынуждена нести охрану прикованного Курюко.

«А люди стали жить в полном довольствии, сытости и приволе. И все с глубокой благодарностью вспоминают до сих пор отважного нарта и из поколения в поколение передают повесть о его подвиге и гибели», – говорится в предании.

В памяти народа имя Курюко (Куркъя) отождествляется с именем другого мифического героя – Пхарматом (Пхъармат), который добыл огонь для людей с вершины Башлам, хотя сам миф с упоминанием имени этого героя в ингушских преданиях не сохранился. Миф о Пхармате сохранился в передаче на чеченском языке и записан А.Сулеймановым в 1937 году, в горном селении Итум-Кале. И в этом мифе отважный нарт Пхармат с помощью матери нартов Села Сата, которая, превратившись в белую птицу, в кромешной тьме пением указывала дорогу герою, добывает огонь из очага бога Селы и передает его страждущим людям. В сюжете этого мифа так же, как и в мифе «Семь сыновей вьюги», присутствует наказание за проступок против воли бога. Села Сата превращена в птицу иволгу, которая у ингушей и чеченцев, в память об этом событии, носит ее имя – селасат, т.е. Села Сата.

По представлениям вайнахов, эта птица потеряла былой белый цвет. Ярко-желтый и насыщенный черный окрас перьев этой птицы считаются отметками огненных стрел, которые разгневанный Села метал в похитителей. Храбрый нарт Пхармат по воле Селы железными цепями прикован к вершине Башлам, куда к нему каждое утро прилетает царь птиц Ида и клюет ему печень. Он, как и Курюко, терпит вечные муки. Птица селасат почти неразлучно находится при прикованном Пхармате и своим мелодичным флейтовым пением облегчает муки героя. Лишь однажды летом, когда полог леса смыкается, эта изящная птица на короткое время посещает людей.

«Принесенный же Пхарматом огонь согрел всю землю... С тех времен на огромных равнинах, в глубоких ущельях, на склонах гор растут душистые травы и пестреют прекрасные цветы. С тех пор на земле есть тепло, изобилие и свет».

Что же касается легенды о Курюко, то она возникла в очень далеком прошлом. Судя по сюжету предания, речь идет о начальном периоде одомашнивания животных и окультуривания растений. Показательна сама этимология имени мифического героя: Куркъя (кур – «гордый», къя – «сын»). Имена собственные *Кура*, *Куркъя* в сравнительно недавнем прошлом встречались среди ингушей, от собственных имен Кур(а), Куркъя происходят ингушские фамилии Куриевы и Куркиевы.

Говоря об этимологии имени Курюко (Куркъя), А.Куркиев пишет: «Термины родства. Элементом *-къя* в значении «сын» (ср. кабард.-черк. *-кьуэ*, адыгейск. *-кьо\кьу*) отмечены древние антропонимы, встречающиеся среди исконных имен, например: Куркъя (кур – «гордый», къя – «сын»; от собственного имени Куркъя происходит ингушская фамилия Куркиевы)».

Патронимический элемент *-къя* часто встречается в фиктонимах, например: Боткый Ширткъя, т.е. «Ширткъя, сын Боткьи»... Суосаркъя – «сын Суосара» и др.

В ингушском и чеченском языках *-къя* в значении «сын» ныне не употребляется, но прослеживается в форме имени-

тельного падежа множественного числа къуонгаш «сыновья» (инг. **къа****къу** – сын, – **нг** – словообразовательный суффикс, **-аш** – аффикс множественного числа). В форме именительного падежа единственного числа в настоящее время употребляется лексема *во1* «сын», однако во множественном числе фигурирует форма не *во1аш* «сыновья» (как следовало бы ожидать), а *къуонгаш* в том же значении. Данное обстоятельство дает нам основание предполагать, что в прошлом в форме именительного падежа единственного числа употреблялось *къа* в значении «сын».

...Таким образом, личные имена с элементом **-къа**, очевидно, имели раньше более широкое распространение, что и подтверждается наличием их среди фиктонимов, личных и фамильных антропонимов, а также в некоторых топонимах.

А.Куркиев пишет о личных именах, представляющих собой нарицательные существительные⁷.

Исследователи мифа о Пхармате связывают его имя с названием *кузнеца, мастера* «пхъар» (также кузни – «пхъоале») на ингушском и чеченском языках. По нашим данным, полная этимология этого имени еще не установлена. Однозначно, что первая часть данного имени «пхъар» имеет значение «кузнец, мастер». Вторая часть данного слова – «мат», по нашим соображениям, это лексема «мата» (мтт, мате; ср. мохк-мате) в значении «стан, место, родина» (арх. населенный пункт). Отсюда – *пхъар мате* – «место, стан кузнеца», т.е. попросту – кузня.

В легендах о Курюко (Куркъа) и о Пхармате (Пхъармат) с большой силой звучат прометеевские мотивы. На сюжет этой **легенды** некоторыми писателями созданы литературные произведения.

«Прометей... Много тысяч лет назад люди создали миф, в котором рассказывается о гордом, сильном и храбром титане. Этот миф с незапамятных времен распространен среди кавказских народов. Основываясь на многие литературные и исто-

рические источники, можно утверждать, что миф о Прометее перенят греками у кавказцев. По предположениям ученых, греки могли познакомиться с этим мифом в те далекие времена, когда они, проживая на Кавказе в довольно многочисленных колониях, имели культурные контакты с аборигенным населением», — пишет Р.Мальсагова⁸. Как видно из текста, автор без сомнения отождествляет имя Прометея из греческого мифа с именем Курюко.

Примечание. Платон рассказывает о Прометее в диалоге «Протагор» устами философа Протагора — собеседника Сократа, о том, как братья-титаны Прометей и Эпитемей извлекали на свет созданные «вчерне» в глубине земли бессмертными богами смертные существа — растения, животных и людей. Ср.: ингушский Курюко и адыгский Сосруко добывают растения (тростник и просо) для людей.

Выше было сказано, что миф о Пхармате не сохранился в ингушских преданиях, но имя этого героя продолжало бытовать в ингушском языке, и, каждый из тех, кто знаком с названными мифами, однозначно отождествляет Пхармата и Курюко с греческим Прометеем.

Эпические герои кавказских народов — ингушский и чеченский Курюко и Пхармат (а так же Пхъари), грузинский Амирани, главный герой абхазской версии нартского эпоса Сасрыква и тот же абхазский Абрскил, герои адыгского нартского эпоса Сосруко и Насрен-жаче — восстают против самого бога, добывая огонь для людей, что роднит их с греческим Прометеем. Герои помогают людям, не боясь богов, и за это навечно прикованы к Кавказским горам. Явная близость древнейших мифов свидетельствует об общих этнических и культурных корнях разных народов.

Образ героя грузинского сказания Амирани прослеживается в археологических памятниках, которые датируются 3-м тысячелетием до н.э. (бронзовый пояс из Мцхета, Казбегский клад, Тriaлетский серебряный кубок)⁹.

Упоминание в чечено-ингушской версии нартского эпоса и мифа о Пхармате некоторых понятий, таких, как укрощение огня, расплавленная медь, предметов из бронзы (инг. *борза*) и латуни (инг. *гез*), отражает древнейшие представления эпохи освоения металла. Зарождение этих сказаний можно отнести к периоду энеолита, меднокаменного века.

Примечательно, что известный лингвист Н.Марр предлагал ввести в лингвистике понятие «прометеидных» языков; эти языки вошли в лингвинистическую терминологию под названием яфетических, по имени сына библейского пророка Ноя Яфета (Иапета) и одноименного мифического отца Прометея.

В греческой мифологии Прометей («промыслитель», «провидец», «предусмотрительный») – *первоначальное, доолимпийское божество огня*, создатель и покровитель человечества, бросивший вызов самому Зевсу в борьбе за духовную свободу людей.

«Зевс отнял огонь у людей. Прометей тут же отправился к Афине с просьбой разрешить ему на Олимп с черного входа и получил от нее разрешение. Он поднялся на Олимп, зажег факел от огненной солнечной колесницы, отколол от него тлеющий уголек и засунул его внутрь стебля огромного фенхеля. После этого он загасил факел, незамеченным вернулся на землю и отдал огонь людям. Зевс приковал Прометея обнаженным к Кавказским горам, где орел терзал ему печень, ежедневно вырастающую вновь. И не было конца его мучениям»¹⁰.

Исследуя сюжет мифа о Прометее в связи с его происхождением, мифолог Р.Грейвс пишет: «Жители островной Греции до сих пор переносят огонь внутри стебля гигантского фенхеля, а то, что Прометей оказался прикованным к *Кавказским горам*, может быть легендой, с которой эллины познакомились во время своего переселения с берегов Каспийского моря и в которой говорилось о великом Морозе, лежащем на снегах горных пиков в окружении стаи стервятников»¹¹.

Тот же автор, исследуя миф о Геракле, вновь обращается к сюжету мифа о Прометее и на основании трудов античных писателей, повторно в нескольких местах упоминает Кавказ.

«...Наконец, Геракл достиг Кавказа, где в течение тридцати – или тысячи, или тридцати тысяч – лет находился прикованный Прометей, к которому каждый день прилетал орел-стервятник, рожденный от Тифона и Ехидны, и терзал ему печень (Апполодор). Зевс уже давно сожалел о наказании.... и немедленно простил Прометея, когда Геракл попросил его об этом. А так как Прометей однажды уже был обречен на вечное мучение, Зевс повелел ему, чтобы всегда походить на узника, носить кольцо, сделанное из цепей и украшенное кавказским камнем. Так появилось первое кольцо с камнем. Однако мучения Прометея должны были длиться до тех пор, пока кто-нибудь из бессмертных не отправится вместо него в Аид. Поэтому Геракл напомнил Зевсу о Хироне, который мечтал расстаться с дарованным ему бессмертием, с тех пор как получил неизлечимую рану. Ничто больше не могло задержать освобождения Прометея, и Геракл, призвав на помощь охотника Апполона, поразил орла стрелой прямо в сердце и дал Прометею свободу (Сервий).

С тех пор в честь Прометея люди стали носить перстни и венки, поскольку после освобождения Прометею велено было носить ивовый венок, а Геракл, чтобы составить ему компанию стал носить венок, сплетенный из веток дикой оливы (Атений).

Всемогущий Зевс поместил изображение стрелы среди звезд в виде созвездия Стрелы, а население Кавказских гор до сих пор считает орла-стервятника врагом человечества. Они сжигают его гнезда горящими стрелами и ставят на него ловушки, чтобы отомстить за смерть Прометея (Гигин)»¹².

В греческом мифе об аргонавтах Медея, дочь колхидского царя Ээта, вручает Ясону волшебное зелье – сок корней растения, выросшего из крови Прометея¹³.

В «Прикованном Прометее» Эсхила, хор, сочувствуя страданиям героя, поет о том, как титана оплакивают смертные, живущие недалеко от горы, где он прикован.

Как видно, в понятии древних греков образ Прометея накрепко связывался с Кавказом и кавказским народом.

Примечания:

1. Латышев В.В. *Очерк греческих древностей. Богослужение и сценические древности. Под научной редакцией Е.В. Никитюк.* СПб., 1997, с.94.
2. Там же. С.269.
3. Артамонов С.Д. *Литература древнего мира.* М., 1988. С. 129.
4. Ткъа – имя верховного бога, по преданиям, обитавшего на горе Бешлоам – Казбек.
5. Семь сыновей вьюги. Ингушское предание// Мифы и легенды вайнахов. Составитель И.А.Дахкильгов. Грозный, 1991.
6. Чахкиев С.: Чаша слез. Пер. Г. Русакова //Чахкиев С.:У изголовья земли. Стихи, басни, поэмы. Грозный, 1983.
7. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1979, с. 198-199.
8. Чахкиев С. Б1аргий хих бизза кад. *Драматически поэма.* 1963.
9. Мифы народов мира. *Энциклопедия в 2 т./ Гл. ред. С.А. Токарев.* – М.: НИ «Большая энциклопедия», 2000. – Т.1.
10. Грейвс Р. Мифы древней Греции. Кн.1. Пер. с англ. К.Лукияненко; Под редакцией Тахо-Годи. М., 2001, с.167.
11. Там же, с.172.
12. Там же. С.152-153.
13. Там же. С.249.